

Людмила Хлебникова

Наслаждение смертью

*Часть сборника
Наслаждение смертью (сборник)*

Людмила Хлебникова
Наслаждение смертью
Серия «Подруги»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165500

Наслаждение смертью: АСТ; Москва;

ISBN 5-17-005165-4

Аннотация

Ищите женщину – старый закон преступления. Кого считают следователи `подозреваемым номер один` в деле об убийстве преуспевающего молодого бизнесмена? Конечно, его женщину! Кто, по мнению бандитов, похитил крупную сумму денег, которую убитый им задолжал? Конечно, его женщина! И теперь она – ни в чем не повинная, случайная жертва обстоятельств – оказалась между молотом и наковальней. Спасти можно только одной ценой – найти настоящего убийцу. Однако – как найти убийцу, который исчез, не оставив следа? Как раскрыть преступление, в котором нет ни малейшей зацепки, ни единой улики... кроме тех, что указывают на нее саму?.. Остается только – действовать...

Людмила Хлебникова

Наслаждение смертью

ПРОЛОГ

Сегодня с самого утра он чувствовал какой-то необыкновенный душевный подъем. Возникало давным-давно забытое ощущение радости и наполненности жизни.

Он сам не понимал, почему вдруг так загнал себя по этой девчонке, на вид самой обычной. Уж сколько их было в его жизни – не пересчитать. А тут вдруг что-то зацепило.

«Как мальчишка, честное слово! – подумал он про себя и не понял, злится он на себя или радуется. – Снимать ее еще вздумал, вот уж точно мальчишество!»

Он покосился на угол, где лежали видеокассеты и взял одну из них. Включив ее, он стал смотреть. Вот она идет по двору, спиной к нему, вот, наоборот, возвращается домой, и лицо ее очень хорошо видно. Она словно смотрит прямо в объектив, хотя понятия не имеет о том, что ее снимают.

Он досмотрел пленку до конца и положил ее на место. «Надо что-то делать с собой, – подумал он. – А то совсем дела не идут – только ей башка и забита», – и почувствовал, что ему совсем не хочется ничего делать с собой, а хочется просто, чтобы она всегда была рядом.

И когда прозвенел звонок в дверь, он, несмотря на то что был поглощен только его ожиданием, вдруг вздрогнул.

Она даже не вошла, а, как ему показалось, впорхнула в комнату и будто бы растворилась в ней. Словом, заполнила собой все пространство.

Подойдя к ней, он нежно провел рукой ей по волосам, скользнул губами к шее, потом, закрыв глаза, нашел ее губы, после чего нежность уже уступила место страсти.

С пылкостью голодного леопарда он набросился на нее прямо в прихожей. Он решил компенсировать этим напором чувство неуверенности, которое таилось в глубине его. Все-таки это происходило в первый раз между ними, и сакраментальный, почти гамлетовский вопрос «даст или не даст» присутствовал в его сознании.

Она отстранялась, притворно смущаясь, но в то же время сама начала проявлять сперва слабую, а потом все более активную инициативу.

Как ему показалось, и это его обрадовало, она начала поддаваться магии его сексуального обаяния. Все-таки он всегда был довольно привлекательным: высок, хорошо сложен, со спортивной фигурой. Он с юности привык к тому, что женщины с легкостью западают на него, и теперь, к тридцати пяти годам, ситуация практически не изменилась.

Он уже ласкал ее грудь, она была упруга, что всегда нравилось ему. Он почувствовал, что дальше сдерживаться уже не сможет и резким движением подняв девушку на руки, по-

нес ее в комнату.

Тут он ощутил, как кольнуло сердце.

«Черт, как не вовремя!» – выругался он про себя, вспомнив о предостережении врачей не слишком предаваться плотским утехам.

На миг он застыл, но тут же мысленно послал всех врачей у черту вместе с их предостережениями.

«Из-за их идиотских предсказаний упустить такой шанс? – пронеслось в голове. – Да это просто глупо!»

Тем более что нижняя чакра активно сопротивлялась верхней. Желание и напряжение, исходившие снизу, оказались сильнее предостерегающих сигналов, исходивших с левой стороны груди.

Девушка не сопротивлялась, она лишь учащенно вздыхала и, казалось, вся была в предвкушении предстоящего действия.

Он решительным движением расстегнул ей джинсы и стал стягивать их. Под джинсами он обнаружил белую тонкую кожу ее стройных ног. Эти формы манили его, он представил, как сейчас жадно войдет его плоть в пространство между ними. Эйфория захватила его. Он, покончив с джинсами, перешел к атаке на последний бастион, игнорируя слабые попытки ее рук воспрепятствовать этому...

... Кончил он довольно быстро. Оно было и понятно: всегда так бывает с новенькими и свеженькими. Он испытал даже нечто похожее на разочарование. И, как назло, снова за-

ныло сердце.

– Ты такой приткий... – с непонятым оттенком не то разочарования не то комплиментарности проговорила она.

Было очевидно, что в прошедшем акте она не испытала того удовольствия, на которое, возможно, рассчитывала, и взгляд ее голубых глаз красноречиво об этом свидетельствовал.

Это проняло даже такого законченного полового эгоиста, каковым являлся он. Наступила напряженное молчание.

Он понял, что партнерша желает продолжения полового пиришествия.

– Я сейчас выпью чайку... – неуверенно начал он.

– Может быть, коньячку? – предложила она.

– Можно, – после некоторого раздумья согласился он.

Подойдя к бару, он достал бутылку коньяка, две рюмки, поставил все это на столик и приготовился разливать коньяк.

– Подожди, – остановила она его. – Рюмки-то хотя бы протереть нужно.

С этими словами она подхватила обе рюмки и понесла их в кухню. Оттуда до него донесся шум льющейся воды.

Вскоре она вернулась и с улыбкой поставила рюмки на стол, сама наполнив их коньяком.

Когда они выпили, он еще некоторое время лежал, уставившись в потолок, чувствуя, как горячая волна разливается по телу.

Наконец он почувствовал в себе силы для следующей ата-

ки. И, прервав девушку, которая увлеченно рассказывала ему историю, произошедшую на прошлой неделе с ее подругой, привлек ее к себе и поцеловал в губы. После чего проведя рукой по ее телу от плечей до ног сделал попытку взгрозиться на нее.

– Я так не хочу! – вдруг капризно заявила она. – Это так банально!

– А как ты хочешь? – обескураженно спросил он.

– Я хочу чего-нибудь необычного.

– Это как – стоя, что ли? – не понял он.

– Нет, – закатив глаза, ответила она. – Ты смотрел «Основной инстинкт»?

– Да.

– Помнишь, как привязывали мужика к кровати?

– Ну?

– Я хочу того же!

И, видя на его лице некоторое замешательство, добавила:

– Ведь здесь же нет ножей для колки льда... А что, у тебя никогда такого не было?

– Не-а, – честно ответил он.

– В таком случае нужно попробовать... Очень интересные ощущения.

Следующие пять минут были посвящены поискам веревок и процессу привязывания мужчины к батарее, которая находилась прямо за изголовьем кровати.

– Только ты не сильно... это... типа усердствуй, – попро-

сил он.

– Что ты, милый! – с ласковой улыбкой успокоила его она.

И, проведя манипуляции с его членом, она заняла боевую позицию сверху. Потом она неожиданно встрепенулась и, спустив одну ногу мужчины вниз, начала привязывать ее к ножке кровати.

Лежавший доселе спокойно на кровати мужчина заволновался.

– А это-то зачем?

– Ты ничего не понимаешь! Это добавит остроты ощущений.

И, окончательно успокаивая его, она прильнула губами к его члену и, активно работая язычком, начала приводить его в боевое состояние.

Спустя некоторое время она почти исступленно прыгала на нем. В его глазах отражались то удивление, то радость наслаждения, то холод ужаса, а движения все продолжались. Он начал задыхаться.

– Подожди, не надо, тише! – попросил он. – Ох! Стой! Хватит!

Внезапно острая боль пронзила его позвоночник, а в глазах потемнело...

Но девушка упорно продолжала идти к своей цели...

Резкий порыв октябрьского ветра сорвал целую стаю пожелтевших листьев с деревьев, и они, кружась и кувыряясь, стремительно полетели по воздуху.

Лариса потуже запахнула воротник нового кашемирового пальто и заспешила вперед.

«А ботиночки-то не греют совсем, – констатировала она, ощутив, как подмерзают ее ноги в купленных на прошлой неделе черных замшевых ботинках, – нечего было мажорить и гнаться за ценой и стильностью, насколько комфортнее было бы в каких-нибудь грубоватых ботах на меху типа Сашкиных».

Но Лариса никогда и никому, кроме себя, не призналась бы в том, что сглупила с этой покупкой. Она до хрипоты доказывала бы, что совершенно не мерзнет и вообще чувствует себя замечательно, и ничуть не жалеет, что выбрала именно эти ботинки – остроносые, на высоченном изогнутом каблуке, но такие холодные, черт бы их подрал!

«И главное, стоили, как чугунный мост!» – сокрушенно вспомнила она, с каким чувством, словно от сердца отрывала, платила в кассу огромную сумму.

И ведь на базаре можно было купить дешевле, но – фи! Какой базар, мы же интеллигентные люди!

Лариса принадлежала к так называемой богемной среде.

Мать ее была актрисой в театре, и девочка с раннего детства проводила много времени в ее гримерке. Отец преподавал в университете, весь был в науке, и не мог уделять дочери должного внимания.

Росла Лариса сама по себе. И выросла такая, и говорить о себе так любила: «Я сама по себе».

Двадцать шесть лет, мужа нет, детей нет – сама по себе.

«И отлично, что все так! – в очередной раз подумала Лариса, откидывая со лба свои огненно-рыжие волосы. – Я ведь стерва! Какая мне семья!»

Взять вот Катьку – двадцать один год, а уже муж и дочка. И что? Никакой жизни! Впряглась сама в этот воз! И ведь все есть: и деньги, и внешность, и молодость – живи и радуйся! – так нет же, захотелось этот хомут на себя надеть.

«А я так не хочу!» – решительно притопнула ногой Лариса и, ощутив, как ветер коварно пробирается под кашемир, заспешила дальше, к той самой Катьке, с жизнью которой только что сравнивала свою жизнь.

Они все с детства жили в одном дворе – Лариса, Катька, Сашка, Алина... Одна Оксанка кантовалась то тут, то там, у бабушки. Правда, с Катькой в детстве девчонки не дружили из-за разницы в возрасте.

Катька жила в одном доме с Ларисой, но так как была на пять лет ее моложе, то Лариса «соплячку» просто игнорировала. Однако когда Катька вступила в возраст семнадцати лет, и разница эта перестала так сильно ощущаться, они

с Ларисой к обоюдному удивлению вдруг обнаружили, что очень легко находят общий язык. И другие девчонки охотно приняли добрую, веселую, немного легкомысленную хохотушку в свою компанию.

Катька, выросшая в очень обеспеченной семье, стремилась к красивой жизни. И ее тянуло к Ларисе, которая казалась ей воплощением этой жизни. У Ларисы все было окутано ореолом таинственности, романтичности, загадочности – всем тем, чего так не хватало вполне благополучной, но слишком уж скучной Катькиной жизни.

Отец ее был заместителем начальника Комитета по управлению имуществом, что давало Катьке много преимуществ, которыми она усиленно пользовалась.

Катька рано выскочила замуж. Естественно, за обеспеченного товарища, который был старше ее на пятнадцать лет. Он был бизнесменом и возглавлял крупную строительную фирму.

– Ну ладно замуж, но ребенка-то зачем рожать? – недоумевала Лариса. – Ты для себя поживи!

А Катьке очень хотелось стать взрослой. К тому же ребенок, по ее мнению, должен был избавить ее от скуки. И вот родилась Настя. Катька относилась к ней скорее как к младшей сестренке, чем как к дочери. Заботилась, конечно, по мере сил, но всегда была рада, когда девочку забирали родители. От скуки-то Катька избавилась, но не подумала при этом, что вместе со скукой уйдут из ее жизни и беспечность

и беззаботность.

Жить они с мужем переехали в дом напротив – муж специально купил там квартиру, чтобы Катеньке быть поближе к родителям.

Муж Катькин был человеком серьезным, но любил свою молоденькую жену просто безумно, потакал всем ее капризам, а Катька... Катька немного жалела, что опять в ее жизни все получилось слишком правильно, так, как надо, слишком хорошо и благополучно, а оттого скучно. А хотелось сильных страстей.

Сильных страстей всегда с избытком хватало Ларисе. У нее не было тех финансовых возможностей, что у Катерины, и она, отчаянно страдая по материальному достатку, пыталась искусственно вносить в свою жизнь ощущение полета – того, что могло бы его заменить, по ее мнению. Отсюда бесконечные разговоры о тайных поклонниках, осыпающих ее букетами экзотических цветов и режущих из-за нее вены.

Катька слушала, ахала, охала, качала головой, вздыхала и верила, верила безоговорочно всему, что плела Лорка.

Вот и сейчас Лариса спешила к ней, чтобы поделиться рассказами о своем новом любовнике. Любовник, честно говоря, был так себе, но Лариса уже позаботилась о том, как представить эту историю таким образом, чтобы Катька просто ошалела от зависти.

Лариса бежала к Катьке с работы, которая надоела до чертиков. Посудите сами, что это за работа – библиотекарь?

Тоска непролазная! То ли дело в театре...

Лариса до сих пор не могла себе простить, что не пошла в театральное. А все мать. Категорически заявила, что только через ее труп дочь пойдет в «этот вертеп». Однако сама без своего вертепа жить не могла. А Лариса была абсолютно уверена в том, что у нее талант. И сейчас, когда время уже было безвозвратно упущено, Лариса любила встать перед зеркалом, гордо откинуть назад свою красивую голову и произнести звучным голосом цитату из какой-нибудь трагедии. Она считала, что создана именно для трагедии...

«Может, потому и вся жизнь моя – одна сплошная трагедия? – подумала она вдруг и содрогнулась от этой мысли, сразу же одергивая сама себя, – блин, да что я такое несу! У меня же все нормально! Более того, у меня все просто отлично!»

Ветер налетел очередным шквалом, Лариса аж захлебнулась и бегом бросилась к подъезду девятиэтажки, где жила Катька.

Войдя в лифт, она стянула перчатки и подула на покрасневшие руки.

«И перчатки дерьмо! – заключила Лариса, нажимая на кнопку с цифрой шесть. – И вся жизнь – дерьмо!»

Катька встретила Ларису радостным визгом с бросанием к ней на шею.

– Ладно тебе, – смеясь, чуть поморщилась Лариса. – Чего делаешь-то?

– Да что мне делать! – вздохнув, развела руками Катька. – От скуки умираю. Мой забрал ребенка и повез в цирк, а я вот одна сижу.

– Ладно, сейчас я тебя развеселю.

– Отлично! – обрадовалась Катька. – Ой, как здорово, Лоронька, что ты зашла. Проходи, проходи, кофе будешь?

– И кофе, и пожрать чего-нибудь – я с работы.

– Сейчас! – Катька метнулась в кухню, приплясывая от радости.

Хлопнула дверца холодильника, и зазвенели тарелки.

У Катьки всегда можно было вкусно поесть. Нет, готовить она ничего не готовила – не умела просто, так же, как и Лариса, в семье которой отродясь не водилось ничего, кроме покупных пельменей, колбасы и сосисок. Но Катькин огромный «Стинол» всегда был забит всяческими деликатесами, которые с приходом гостей все выгружались на стол – Катька была нежадной.

– Идем сюда! – весело крикнула она, высовываясь из кухни.

– Сейчас, руки помою, – откликнулась Лариса, проходя в ванную и намыливая руки ароматным жидким мылом.

Парфюмерия, которой у Катьки были забиты все полочки в ванной, была, конечно, высшего качества, и Лариса невольно в очередной раз позавидовала своей подружке.

«И почему ей всю жизнь везет? И ведь главное, словно не ощущает этого. Как будто все это богатство – как само со-

бой разумеющееся...» – задумалась Лариса, смазывая руки питательным кремом «Кристиан Диор».

– Лора! – Катькин голос оторвал Ларису от невеселых мыслей. – Ну ты идешь?

– Да, – ответила Лариса, недовольная собой. В самом деле, чего опять раззавидовалась? Ведь она же любит Катьку, и шла к ней вовсе не для того, чтобы сравнивать ее и собственный достаток.

– Садись, – сказала Катька, нажимая кнопку электрочайника.

На столе уже были выставлены разнообразные баночки, скляночки, красивые упаковочки...

– Только бутерброды сама делай! – заявила Катька, влезая ложкой в банку со сгущенкой.

– Все сладкое лопаешь? – не удержалась Лариса. – Гляди, разнесет тебя. И так поправилась...

– Где? – испугалась Катька и даже вскочила. – Где поправилась? – она вылетела в коридор и закрутилась перед огромным зеркалом.

– Разве я поправилась, Лора? – отчаянно зазвенел оттуда ее расстроенный голос.

– Задница прибавилась, – посмеиваясь, отозвалась Лариса, намазывая бутерброд черной икрой.

Катька вернулась назад и обреченно плюхнулась на стул, удрученно качая головой.

– Это все сгущенка, черт бы ее побрал... – констатировала

она. – На шейпинг надо идти.

– Ладно, не переживай! – махнула рукой Лариса, зная, как расстраивается Катька по поводу своей фигуры. Ей всегда она казалась несколько крепковатой.

– За месяц спадет, как ты думаешь, Лора? – спросила Катька с такой серьезностью, что Лариса не выдержала и прыснула.

– Спадет, конечно, – уверила она свою доверчивую подругу. – Все нормально будет. Тебе двигаться надо, а на сгущенку поменьше налегать.

– А, ладно! – махнула рукой Катька. – С завтрашнего дня начну, а пока можно.

Сразу повеселев от принятого разумного решения, она разлила по чашкам кофе, бухнула себе три ложки сахара, добавила столько же сгущенки и с удовольствием принялась пить свой коктейль.

– Так что ты хотела мне рассказать веселого? – спросила она, с трудом двигая ртом, набитым пирожным.

– Ох! – Лариса томно закатила глаза, выдержала паузу, а потом резко выдохнула:

– У меня новый поклонник!

– Да ты что-о? – протянула Катька. – Везет же! Ну, говори.

– Ну что говорить? – притворно вздохнула Лариса. – По-знакомились три дня назад, он пригласил в ресторан, отвез домой... Вчера позвал к себе. На ночь... – добавила она.

Катька слушала, затаив дыхание.

– А наутро, пока я спала, – вдохновенно продолжала Лариса, – он встал и съездил мне за огромным букетом роз и осыпал меня ими...

– Да ты что? – Катькины глаза стали совсем огромными, и она зачерпнула еще сгущенки. – А где же розы?

– Да, я их на работе оставила! – махнула рукой Лариса. – Пусть наш скучный зал украшают.

– Здорово! – вздохнула Катька.

Лариса, забавляясь от души, рассказывала о своих приключениях, уплетая бутерброды, потом неожиданно встала и сказала:

– Ну, мне пора.

– Как, ты уже уходишь? – расстроено спросила Катька, идя за Ларисой в коридор. – Посидела бы еще.

– Не могу, не могу, – вздохнула Лариса. – Меня ждут.

И, чмокнув Катьку в пухлую румяную щеку и помахав ей рукой в черной перчатке, упорхнула из квартиры, оставив Катьку завидовать и мечтать о том, как когда-нибудь и у нее появится прекрасный поклонник. Муж, конечно, в расчет не берется.

Войдя в лифт, Лариса устало прислонилась к стенке. Твою мать! Ну что за гребаная жизнь?! Только глупенькая Катька и позавидует!

Лариса вспомнила, как познакомилась со своим новым «бойфрендом»: она стояла на остановке, мерзла, проклиная все на свете, а он проезжал мимо, предложил подвезти. Ла-

риса села, не задумываясь. По дороге случайно выяснилось, что они живут совсем рядом.

Пригласил сразу к себе, а отнюдь не в ресторан. И осталась там в первую же ночь – собственно, это было понятно с первой минуты их общения. И не было никаких цветов и красивых ухаживаний, а все было быстро, просто и очень буднично...

Наутро Лариса поехала на работу, сама поехала, потому что он спал и вставать в такую рань, чтобы везти ее, совсем не собирался.

Договорились встретиться сегодня, и от Катьки Лариса направлялась к нему.

«А может, не ходить? – с тоской подумала она. – Пошли бы они к черту, эти козлы?»

Но она знала, что все равно пойдет, потому что уже привыкла так жить. Мужчин в Ларисиной жизни было много. Сколько много? Она не считала. Зачем? Она их просто использовала, а они ее. Всегда было так. Никогда никого не любила, никогда никто ее не любил. Разве что Игорь... Но об Игоре сейчас думать не хотелось совершенно. Только расстраиваться.

Лариса откинула все лирические мысли и вошла в соседний дом. Поднявшись на третий этаж по лестнице, она остановилась, обернулась, убедившись, что ее никто не видит, и позвонила.

«Хотя чего прятаться! – досадуя на самую себя, подумала

Лариса, – все равно наверняка весь дом в курсе. Разве от соседей что скроешь?»

На звонок никто не открыл, хотя Лариса ясно слышала звуки музыки, доносившейся из квартиры.

Лариса раздраженно позвонила несколько раз. Никто не открывал.

«Ну и пошел ты!» – с каким-то даже облегчением подумала она, уже собираясь уходить, как вдруг заметила, что дверь приоткрыта.

Подумав, что поклонник, наверное, специально оставил ее незапертой для Ларисы, а сам, вероятно, пошел в ванную, Лариса толкнула дверь и прошла в квартиру.

Он лежал на кровати.

– Эй! – позвала Лариса, подходя к нему прямо в ботинках. – Вставай, мой птенчик, твоя ласточка прилетела!

И тут только она заметила, что мужчина крепко привязан к кровати за руки и за ноги, а его член перетянут у основания каким-то жгутом.

Увидев закатившиеся глаза и вывалившийся язык своего недавнего любовника, Лариса отшатнулась.

Потом осторожно взяла его за руку и тут же отбросила ее – рука была абсолютно холодной.

Оперевшись одной рукой о крышку стола, Лариса сделала несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться, потом рука ее потянулась к сумочке за сигаретами, но неожиданно замерла на полпути, и Лариса опрометью кинулась в туалет,

сотрясаясь там в приступе нахлынувшей рвоты.

Когда она, шатаясь, вышла оттуда, держась при каждом шаге за стены, то долго не могла заставить себя войти в комнату, где лежал труп. Но идти было нужно – Лариса оставила там свою сумку. Просто уронила ее на пол, кинувшись в туалет.

«Сейчас, сейчас, – успокаивала она себя. – Я постою немного и войду туда. Я просто возьму сумку и сразу же уйду. И надо, наверное, в милицию позвонить, и в „скорую“...»

Удивляясь сама себе, куда в критическую минуту девались ее выдержка и хладнокровие, Лариса стояла в коридоре и набиралась решимости.

– А чего это у нового соседа дверь-то открыта? – послышался вдруг с лестницы женский голос. – Коля, зайди, а?

– Да чего тебе надо! – недовольно откликнулся мужчина. – Мало ли что там у человека, твое какое дело!

– Ну, а может, случилось чего? – не унималась женщина. – Я загляну только...

Лариса вжалась в стену, потом метнулась в спальню.

– Коля! – услышала она оттуда громкий крик женщины. – Да он мертвый тут! Надо милицию вызывать!

Торопливо протопали мужские шаги в зал, и Лариса, не соображая, что делает, вылетела из спальни, быстро миновала коридор и выскочила на лестницу.

Она неслась, перепрыгивая через несколько ступенек, не зная, заметили ее соседи или нет, и в голове ее билась только

одна мысль – скорее подальше отсюда!

Разум словно покинул ее голову, и Лариса подчинялась только эмоциям. А они гнали ее прочь.

Лариса очнулась, когда обнаружила, что сидит на лавочке в детском садике рядом со своим домом и пытается найти в карманах пальто сигареты. Потом медленно в ее памяти стали всплывать последние события, и до нее дошло, что сигареты остались в сумочке, а вот сумочка – о, господи! – осталась в квартире, где лежал труп.

«Наверное, там уже милиция приехала... – как-то тупо подумала Лариса. – Меня наверняка ищут...»

Ищут, ищут, – монотонно застучало в висках.

«Куда же мне теперь идти? – растерянно задала сама себе вопрос Лариса. – Домой нельзя, нужно где-то пересидеть, все как следует обдумать, а потом уже возвращаться домой. Черт, ну почему я сразу не вызвала милицию!» – чуть не завизжала она, с тоской ковыряя носком ботинка землю.

Ноги окончательно продрогли. Жутко хотелось курить.

Начинало темнеть. Двери детского садика то и дело распахивались, и оттуда выходили мамы, папы, бабушки, ведущие за руку своих малышей домой.

Ларисе стало совсем неуютно.

«К Ксюхе поеду! – решила она. – У нее пока искать не будут, а там пораскину мозгами, что дальше делать».

Проездной, слава богу, находился в кармане пальто, там же гремела какая-то мелочь. Лариса порадовалась и этому,

вышла из садика и купила в ближайшем ларьке четыре сигаретки «Pall Mall» – у Ксюхи наверняка какая-нибудь «Ява», а мы все-таки люди интеллигентные – и, стараясь не думать о ногах, которые уже начало ломить от холода, поспешила на вокзал на остановку.

* * *

К Ксюхе очень удобно было приходить в гости – она жила одна. Жила одна в стареньком частном доме возле Сенного базара. Раньше там жила ее бабушка, потом она умерла. Ксюха, сильно погоревав о смерти любимой бабули, тут же переселилась туда, практически сбежав от родителей. И пусть там не было удобств, зато там было нечто гораздо более важное – свобода. Свобода от вечно пьяных, ссорящихся и дерущихся родителей.

Ксюха и в детстве часто сбегала к бабушке, ища там утешения и ласки. Ей всегда этого не хватало. Может быть, потому и кинулась очертя голову к Славке – он все-таки был с нею нежен. Правда, когда напивался, куда все девалось, но ведь бывали же приятные моменты...

Глухой стук, а затем громкий детский плач вывели Оксанку из задумчивости, и она бросилась в спальню. Андрюшка, конечно, уже проснулся и попытался самостоятельно вылезти из кровати. Ему это, естественно, не удалось, и он шархнулся лбом о пол, жутко разобиделся на весь белый свет

и заревел.

Ксюха схватила сына на руки и стала успокаивать:

– Ну-ну, перестань, маленький! Зачем же ты сам полез, позвал бы меня?

Мальчишка только сопел носиком, прижимаясь к худенькому материнскому плечу.

– Сейчас я тебе каши сварю, подожди, – сказала Оксанка, выходя в кухню и сажая ребенка на высокий стул.

Сунув ему расписную деревянную ложку в качестве игрушки, она кинулась к плите.

«Такой же, как отец! – подумала Ксюха про Андрюшку. – Тот тоже везде лезет, все сам, сам, а что из этого получается?»

У Славки, от приятных моментов с которым и появился Андрюшка, из его влезаний куда не следует ничего хорошего не получалось. Куда только он не вляпывался, а расхлебывать приходилось Оксанке, потому что как только дело пахло жареным, у Славки сразу же пропадала вся энергия. Выпутаться самостоятельно он уже не мог.

А Ксюха всегда выручала, всегда. И ничего не ждала взамен. «Ты только люби меня», – часто говорила она с улыбкой, когда в очередной раз спасала своего непутевого друга от неприятностей.

Славка клялся и божился, что, конечно, будет любить, что ни во что больше не влезет, что пойдет работать в «нормальное место», что это в последний раз, но... Проходило недели

две, и все повторялось.

А потом заявил о своем существовании Андрюшка, сначала робко, а потом все настойчивее, и Ксюха, потуже перетягивая выступающий живот, ломала голову, что же будет дальше.

Славка как раз в этот момент почему-то резко осознал себя самостоятельным человеком и высказал Ксюхе, что устал от ее забот.

«Что я, сам не могу справиться, что ли?» – заявил он ей. И ушел. Ушел, оставив ее одну решать свои проблемы.

Ксюха, неожиданно для всех и для себя, проявила твердость и родила ребенка. Это выглядело как сумасшествие – мужа нет, родителей, можно сказать, тоже нет – мама и папа не то что не помогали единственной дочери, но старались по возможности стянуть у нее что-нибудь. И работы приличной не было. Хорошо хоть, что был дом, где она могла жить одна – в квартире с пьющими родителями не могло быть и речи о воспитании ребенка.

Конечно, были подруги – Алина, Сашка, Катька, Лариса. Именно они и помогли, а иначе Ксюха просто умерла бы с голоду. Господи, девчонки... Пожалуй, кроме них и сына у Ксюхи и не было близких людей. Славка... Но ведь Славка в этой ситуации проявил себя скорее... Нет, врагом Оксанка его не могла назвать, но уж и не другом.

«А ведь он всегда предавал меня, – неожиданно всплыла у нее мысль. – Всегда отстранялся, когда возникали трудно-

сти, всегда перекладывал их на меня!»

Почему-то это внезапное озарение накрыло ее, и она, забыв о булькающей в кастрюльке каше, опустилась на старенькую табуретку, не замечая, как жидкая молочная смесь капает с ложки ей на подол домашнего халата...

Оксанка вспоминала об их отношениях, пытаясь проанализировать различные ситуации, и приходила к одному выводу – он ее просто использовал, когда она была ему нужна. А когда у нее возникали проблемы, всегда умудрялся так изворачиваться, чтобы оказаться в стороне, да еще и Ксюху во всем обвинить...

П-ш-ш-ш!

Каша, рассердившись за невнимание к ее персоне, взбунтовалась и бурным потоком взвилась вверх, поднимаясь за края кастрюльки и заливая плиту.

Ксюха ахнула и кинулась за тряпкой, зацепившись по дороге рукавом халата за дверную ручку. Рукав порвался с оглушительным треском. Почему-то именно это обстоятельство явилось последней каплей, и Ксюха, не выдержав, плюхнулась на стул и разревелась.

...Когда Славка ушел, она долго плакала, несколько раз за день. Ходила высохшая и почерневшая. Алина с Катькой просиживали вместе с ней часами, уговаривая поесть. Потом приходила Сашка, решительно брала ложку в руки и принималась кормить Оксанку как маленького ребенка.

– Это не для тебя! – строго сдвигая светлые брови, гово-

рила она. – Это для ребенка. Раз уж решила рожать – нечего выпендриваться!

Именно этот строгий тон действовал на Ксюху лучше, чем уговоры других девчонок. Ксюха послушно брала ложку, начинала есть и даже как-то успокаивалась.

Сашка и с работой Ксюхе помогла – устроила официанткой в кафе. Не бог весть что, конечно, но деньги стали появляться.

– Тебе сейчас именно это и нужно, – уверяла Сашка. – Ребенка на ноги поставить, а потом можно и учиться пойти.

Да, учиться было надо. Куда пойдешь-то с вшивым дипломом кулинарного училища? Вон, сейчас даже продавцов набирают с высшим образованием. А когда Ксюхе учиться? И, главное, она сама чувствовала – не хватает у нее чего-то для этого.

«Ума, что ли?» – вытирая слезы, подумала Ксюха.

Ведь хотелось ей учиться, всегда хотелось, но кто поможет? Родители, что ли? Да у них самих восемь классов образования! И на дочь всегда было наплевать. Работали всю жизнь на заводе – больше пили, чем работали, сколько раз увольнять собирались! Даже родительских прав лишать. Мать в такие минуты слезы лила, умоляла чуть ли не на коленях, обещала исправиться, и действительно вроде бралась за ум. Но проходила от силы неделя – и все начинало вертеться по старому, привычному кругу...

...Андрюшка, увидев слезы матери, сначала испугался, а

потом на всякий случай тоже решил зареветь. Его протяжный басок вернул Оксанку к жизни, она быстро вскочила со стула и принялась отшкрябывать кастрюлю с пригоревшим молоком.

– Перестань, сынок, – ласково обратилась она к мальчику. – Все уже хорошо. Мама не плачет.

Она вспомнила, что когда родился Андрюшка, она совершенно прекратила лить слезы – забот прибавилось выше крыши, и думать о том, что случилось, и жалеть себя просто не было ни времени, ни сил. К тому же это событие сделало Оксанку счастливой. Окружающие с удивлением наблюдали за тем, как Ксюха, похудевшая еще больше, с ввалившимися от усталости и бессонных ночей, но такими блестящими глазами, сияющая, носилась по двору, выбегая то развешивать пеленки, то за водой, то в магазин. О Славке она вообще не думала.

Но он явился сам. Явился, когда Андрюшке исполнилось три месяца. Ксюха решила было, что он опомнился и пришел просить прощения, и жутко обрадовалась.

«Интересно, что он ребенку купил?» – мелькнула у нее мысль.

Но, как оказалось, покупать что бы то ни было Андрюшке папаша посчитал излишним. Он пришел, заглянул в коляску, которую, скинувшись, подарили Ксюхе подружки, ничего не сказал, сел на стул, уронив голову на колени, и сидел так некоторое время. Ксюха с замиранием сердца ждала, что же

он скажет.

Наконец Славка поднял голову и заявил, что устроился на работу, но там, к сожалению, ничего не получилось, «потому что директор – мудака», и попросил у Ксюхи денег, потому как у него недостача.

Ксюха оцепенела, в растерянности глядя на Славку и не зная, что ответить. В этот момент отворилась дверь, и вошла Сашка. Славка сразу же набычился – Сашку он не любил за то, что та никогда не питала иллюзий на его счет и в открытую заявляла, что он мерзавец и тунеядец.

Выслушав, что привело папашу сюда, она молча усмехнулась, потом, поставив сумку с гостинцами на стул, решительно прошла к двери, распахнула ее и спокойно сказала:

– Вон.

– Что? – удивился Славка.

– Вон отсюда, – повторила Сашка, в упор глядя на Славку. – И больше никогда не являйся.

Увидев, что Славка не реагирует, она оттолкнулась от стены и двинулась в его сторону.

Славка тут же встал, и, понутив голову, вышел. Он знал, что Сашка спортсменка и усиленно занимается карате, так что в случае чего навешает только так, и не стал искушать судьбу.

После его ухода Сашка закрыла дверь и принялась выкладывать на стол купленные для Андрюшки продукты. Ксюха хлопнулась лицом на диванную подушку и мелко затряслась.

После рождения Андрюшки она заплакала впервые.

Сашка, ни слова ни говоря, положила продукты в холодильник, покормила Андрюшку и, подойдя к Оксанке и положив руку ей на плечо, сказала:

– Прекрати. Это необходимо, иначе ты никогда от него не избавишься. Так и изматывает он тебя.

И ушла.

Ксюха еще долго плакала, чувствуя себя совсем одинокой маленькой девочкой, которую никто не любит. Она понимала, что Сашка абсолютно права, но ведь так хотелось надеяться...

После этого Славка еще как-то раз пришел, даже принес шоколадку. И Ксюха не выгнала его. Славка остался на ночь, а наутро, позавтракав на радостях приготовленными Ксюхой котлетами, ушел, сказав, что у него дела и зайдет он как-нибудь на неделе.

Потом он еще приходил, и Ксюха – чего там греха таить! – каждый раз давая слово не пускать, все равно пускала, убеждая саму себя, что теперь он пришел навсегда. Она тщательно скрывала это от девчонок, но те все равно догадывались, правда, до поры до времени помалкивали.

Ксюха сварила новую кашу и села кормить Андрюшку. В этот момент раздался стук в окно.

Ксюха выглянула в окно и увидела Ларису. Та давненько у нее не была, и Ксюха не ожидала ее увидеть и даже не поняла сперва, обрадовалась или огорчилась.

«Да, наверное, и хорошо, что пришла, – решила она. – А то одна сижу, кисну. А с Лариской не получится понять – она сейчас как начнет о своих приключениях рассказывать...»

Однако открыв дверь, Ксюха с удивлением констатировала, что сегодня Лариска не похожа сама на себя.

– Одна? – коротко спросила она Ксюху, и когда та несколько растерянно кивнула, быстро прошла в комнату и, сев на стул, тут же достала сигарету и прикурила дрожащими руками.

– Что случилось, Лора? – спросила Ксюха, запирая дверь.

– И на нижний закрой, – глухо отозвалась Лариса.

Ксюха, пожав плечами, задвинула тяжеленный засов и села напротив Ларисы, продолжая совать Андрюшке ложку с кашей. Ребенок крутил головой, стараясь увильнуть от кормежки, но Ксюха терпеливо впихивала в него ложку за ложкой.

– Ты чего в пальто-то сидишь? – повернулась она к Ларисе.

Та ничего не ответила, и Ксюха, зная характер подруги, не стала больше ничего спрашивать. Захочет – сама расскажет. Небось с матерью поругалась.

Докурив, Лариса прошла к вешалке и небрежно швырнула на нее пальто.

– Хреновые дела, Ксюха, – устало бросила она, возвращаясь на стул и задумчиво глядя в окно.

– С Адой, что ли, поругалась? – осторожно спросила Ок-

санка.

– Если бы... – невесело усмехнулась Лариса. – Хахаль откинулся.

– Чего? – не поняла Ксюха.

Она быстро сунула Андрюшке последнюю ложку, облизнула ее и подвинула стул ближе к Ларисе.

– Он тебя бросил, да, Лоронька? – поглаживая Ларисину руку, сочувственно спросила Ксюха.

– Да что у тебя вечно одна херь на уме! – неожиданно взорвалась Лариса, выдергивая руку. – Как будто кроме этих соплей, никаких проблем не существует!

Она нервно заходила по комнате, сжимая и разжимая пальцы. Ксюха обиженно шмыгнула носом и прошла к раковине. Низко наклонившись над ней, чтобы Лариса не увидела ее слез, она долго мыла одну-единственную тарелку. Еще не совсем успокоившись после своих недавних слез, она легко рассопливилась снова.

Наконец, она тщательно вытерла тарелку и сунула ее в шкаф.

– Ладно, извини, – подходя к Ксюхе, примиряюще сказала Лариса. – Извини, Ксюх, я просто на нервах вся. Сейчас я тебе все расскажу.

Ксюха, которая никогда не обижалась долго, с готовностью опустилась на стул и, подперев голову руками, приготовилась слушать.

– ... Вот такая, значит, фигня... – стряхивая пепел в блю-

це, закончила Лариса. – И что теперь – ума не приложу!

– Но ведь ты ни в чем не виновата! – с жаром принялась убеждать Ксюха. – Он же просто умер, и все!

– Ага, умер! Кто-то же его привязал!

– Ну мало ли кто, почему обязательно ты? Наверняка трахался с кем-то до твоего прихода! Ты-то здесь при чем?

– А сбежала зачем? – подняла глаза Лариса.

– А действительно, зачем? – спросила Ксюха.

– Тебе хорошо говорить! – раздраженно отреагировала Лариса. – Сидя дома на стульчике! А я тогда не соображала, что делаю! И главное, сумку там оставила, твою мать! – она стукнула кулаком по столу и сцепила зубы.

– Ларис, ну что в этом такого уж страшного? Максимум, что будет, так это узнают о твоей связи с ним, и все!

– И так уж все знают! – махнула рукой Лариса и закурила очередную сигарету. В кармане оставалась одна, последняя.

– У тебя сигареты есть? – хмуро спросила она у Ксюхи.

– Есть! – с готовностью ответила та, подбегая к шкафчику и доставая нераспечатанную пачку «Явы».

– Тьфу, гадость, – проворчала Лариса. – Хотя на безрыбье...

– У тебя что, и денег нет?

– Нет, они в сумке остались. Блин... Чего делать-то? – с какой-то надеждой посмотрела Лариса на Ксюху.

– Лор, почему бы тебе просто не пойти домой?

– Ага, а меня там уже ждут!

– Ну и что? Сразу все и расскажешь. Реши разом эту проблему – и все, ты же не будешь теперь прятаться все время!

– Ксюх... – просительно посмотрела на Оксанку Лариса. – А ты не сходишь туда сама, а? Ну просто на разведку, чтобы мне полегче стало.

– Я? Ну я даже не знаю. Вообще я думаю, ты зря загоняешься!

– Ксюх, сходи, а?

– А Андрейку куда я дену?

– Да я с ним посижу! Сколько угодно! Ты же не надолго.

– Ой, ну ты прямо меня загрузила... – Оксанка в раздумьях покачала головой.

– Ксюх, ты же только туда и обратно!

– А у кого я что узнаю-то?

– Ты сначала ко мне зайди. Спроси, не приходил ли кто. А потом с бабульками покалякай, они наверняка там на ушах стоят, все разговоры на одну тему.

– Ну ладно, – пожала плечами Ксюха, накидывая старенькое пальтишко. – Я постараюсь.

Оставшись одна, Лариса выкурила последнюю сигарету, вздохнула и с тоской уставилась в окно.

Ксюха, выскользнув на улицу, зажмурилась от ударившего в лицо холодного ветра и, поеживаясь, поспешила к остановке.

«Какие на фиг бабульки! – подумала она. – Они все по домам сидят в такую холодину. Что же мне, по квартирам

ходить?»

Доехав до Ларисиного дома, она бросила взгляд на свой, в котором жили родители. У них горело окно на кухне. За неплотно задернутой занавеской маячила лохматая голова отца.

«Зайти, что ли?» – с тоской подумала Ксюха, ощутив, как ей хочется просто поговорить по душам с родителями, поделиться новостями об Андрюшке... Но, вспомнив, чем каждый раз оборачивались подобные визиты, решительно заспешила к Ларискиному подъезду.

– Привет, – томно улыбнулась Аделаида Александровна, открывая дверь. – Проходи, солнце. Только Лорки нет. И не знаю, когда будет. Но мы с тобой сейчас кофею попьем. А где твоё сокровище-то?

– Оставила с подругой, – ответила Ксюха, снимая дырявые ботинки, которые носила третий год, и отставляя их подале.

«Хорошо, что пока дождей нет, – подумалось ей. – Польют, опять ноги промокать будут, снова болеть...»

– Аделаида Александровна, а к Ларисе никто не приходил? – спросила она, проходя на кухню.

– Нет, зайка. А кто должен был прийти?

– Ну, я думала, может, кто из девчонок, – выкрутилась Оксанка, чувствуя, что краснеет. Она очень не любила и не умела врать.

– Нет, не был никто. Сашку я видела, она с работы шла.

Но зайти не обещалась, – говорила Аделаида Александровна, ставя чайник на плиту.

Ксюха посмотрела на нее и в очередной раз убедилась, насколько Лариска похожа на мать. Аделаида Александровна, или Ада, как звали ее друзья, муж и даже дочь, была высокая, статная, рыжая, с ослепительно белой, словно прозрачной кожей. В красивых зеленых глазах таился живой огонек и вечно какая-то смешинка. На Ксюху словно бы смотрела Лариса, ставшая вдруг старше на двадцать лет.

Впрочем, для своих сорока шести Аделаида Александровна выглядела просто великолепно. Лицо было чистым и гладким, а волосы – ах уж эти волосы, предмет вечной зависти Ксюхи! – пламенными хлопьями спадали на плечи.

Ксюха с грустью потрогала свои жиденькие косенки неопределенного, какого-то серого цвета, и в очередной раз задумалась над тем, а не выкрасить ли их в такой же цвет? А потом, в очередной же раз, поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет. Во-первых, такой божественно красивый цвет может подарить только сама природа, а во-вторых, сколько ни крась, а гуще от этого волосы не станут.

Аделаида Александровна уже разливала воду по чашкам и насыпала кофе.

– Бери, – протянула она чашку Ксюхе. – Есть хочешь? Колбаса есть.

– Да нет... – смутилась Оксанка. – Не надо.

– Чего «не надо»! – махнула на нее рукой Ада, доставая из

холодильника батон колбасы и нарезая его толстыми, неаккуратными ломтями.

– Готовить некогда, – словно оправдываясь, сказала она Ксюхе. – В театре же все время, утром репетиция, вечером – спектакль. Среди дня домой бежишь – перерыв, а вечером опять в театр. Карусель, словом.

– Да... – понимающе протянула Ксюха, кладя колбасу на хлеб.

Посидев еще немного, она поднялась.

– Я пойду, Аделаида Александровна, не буду больше ждать – вдруг Лариса вообще не придет.

– Может, и вообще не придет, – согласилась Ада. – Чего ей? Дело молодое.

Выходя на улицу, Ксюха столкнулась с Катькой. Одета в коротенькую замшевую курточку, отделанную на рукавах и воротнике мехом, черные брючки и ботиночки на меху, она вбегала в подъезд.

«Вот у Катьки ноги не мерзнут, – подумала Ксюха, заранее внутренне сжимаясь перед встречей с холодным ветром. – И слава богу!»

– Привет! – весело поздоровалась Катька, облизывая мизинец правой руки, в которой она держала мороженое на палочке, обернутое яркой бумажкой. – Ты откуда?

– К Ларисе заходила.

– А ее нет, – сообщила Катька, слизывая сладкие прохладные капли.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Ксюха.

– Так она заходила ко мне. Сказала, что к жениху идет.

– Слушай, Катька... – Ксюха заозиралась, потом схватила

подружку за руку. – У тебя можно поговорить?

– Можно, конечно. А что случилось?

– Дома расскажу.

– С Андрюшкой что-нибудь? – встревожилась Катюха.

– Нет, тьфу-тьфу! Ну, пошли, что ли?

– Пошли! – пожалала плечами Катька, поворачиваясь в сторону своего дома. – Правда, я к маме хотела забежать, ну да ладно.

– А твой дома?

– Муж дома, а Настю он маме завез. Я вот и шла ее забрать, но раз у тебя серьезный разговор, то какие могут быть вопросы!

– Как ты можешь в такой холод мороженое есть? – поежилась Ксюха.

– А чего? – беспечно вскинула брови Катька. – Нормально!

Они поднялись к ее квартире, Катька зашебуршилась в карманах, ища ключи.

– Ну, где же вы, противные? – бормотала она, выворачивая карманы. – Я же хорошо помню, что клала сюда...

Как выяснилось, Катька сунула ключи в карман брюк, причем задний.

– И когда я успела их туда переложить? – недоумевала она,

поворачивая найденные ключи в замке. – Просто ума не приложу! Проходи!

Они прошли в кухню.

– Бери что хочешь в холодильнике! – махнула Катька рукой.

– Нет, я уже не буду. Меня Ада кормила. В общем, слушай.

И Ксюха поведала Катьке историю, приключившуюся с Ларисой.

– Да ты что! – возбужденно хлопнула Катька себя по коленке. – Ну, дела! А я-то из окна выглядывала, думаю – чего у того дома толпа собралась и милиция понаехала? Ну, блин...

– Узнать надо, что там и как, – сказала Ксюха. – Надо же Лорке домой идти.

– Слушай, так я сейчас к Гальке сгоняю! – подпрыгнула Катька на месте.

– К какой Гальке?

– К Волоховой, это девчонка, с которой я познакомилась. Она недавно в тот дом переехала, но девка классная! Сейчас, я мигом сгоняю! – Катька уже ринулась в коридор, хватая с вешалки свою куртку и попутно роняя другие развешанные на ней вещи.

Она наскоро сгребла их с пола и кинула на диван в зале.

– Я сейчас! – донесся ее голос уже с лестничной клетке, а за ним стук каблуков – Катька, одержимая новостью, даже

не стала пользоваться лифтом.

Ксюха посмотрела в окно и вздохнула. Находиться в чужой квартире одной ей почему-то стало неуютно.

Она прошла в зал, зажгла свет и включила телевизор. Ей всегда казалось, что это создает ощущение того, будто она не одна находится в доме.

По второму каналу шла какая-то музыкальная программа, и Ксюха увлеклась слушанием новой жалостливой песни Тани Булановой – она всегда любила такую музыку...

Примерно минут через пятнадцать послышалось звяканье ключа.

Ну наконец-то! Ксюха вскочила и бегом побежала в прихожую.

– Ну что? – накинулась она на Катьку.

– Фух, погоди, ботинки сниму, – отдуваясь, проговорила Катька, и прошла в зал, сразу же плюхаясь на диван.

– Короче, – залезая на него с ногами, сказала она, – скажи Лорке, пусть фигней не страдает – все там нормально. Мужик, скорее всего, умер своей смертью, – все слышали, что менты так и сказали. Просто перетрахался, и сердце не выдержало. Так что пусть домой возвращается, а то совсем загонится. А за сумкой своей в ментовку ходит и все объяснит – так мол и так, получилось случайно, я не при делах. Дела-то никакого нет!

– Ох, ну слава богу! – подскочила Ксюха на диване и быстро пошла в коридор. – Прямо от сердца отлегло...

– Погоди, погоди, ты куда? – идя за Ксюхой по пятам, говорила Катька. – Ты что, вот так прямо и уходишь? Мы и не поговорили даже!

– Катя, некогда мне разговаривать! – простонала Ксюха. – У меня Андрейка там с Ларисой, и она вся на нервах сидит, а тебе лишь бы потрепаться!

Увидев, как обиженно надулись Катькины пухлые губки, Ксюха тут же спохватилась:

– Ой, прости, пожалуйста, Катюша, я не хотела тебя обидеть. Спасибо большое, Лариска-то как рада будет.

– Ну ты скажи ей, чтобы она ко мне зашла! – крикнула Катька уже в дверь, когда Ксюха бегом сбегала по лестнице. Она только рукой махнула и помчалась дальше.

«Только бы троллейбус не пришлось ждать! – вертелось у нее в голове, – а то совсем околею!»

У Ксюхи были зимние сапоги, но почти совсем новые, и она очень их берегла. Вдруг в них лет пять придется проходить?

«Ладно, – решила она, – еще месяц как-нибудь пробегаю в этих, а потом придется доставать и носить. Что-то осень в этом году круто началась!»

Приехав домой, она с порога сообщила совсем потерявшей терпение и разум Ларисе, что все в порядке, обратив внимание на то, что пепельница полна окурков от «Явы», а Лариска дымит очередной сигаретой.

– Господи! – Лариса аж зажмурилась, – нет, все-таки ты

есть на свете! Ну ладно, я побегу.

И она, одеваясь, пошла к двери.

– Катька просила тебя зайти к ней, – немного обиженно проговорила Ксюха.

– Перебьется, – отозвалась Лариса.

Вот в этом вся Лариса! Когда надо, так «Ксюха, миленькая, сделай, пожалуйста», а как сделаешь – так «Я побегу»!

В этот момент Лариса стукнула в окно, уже проходя по двору, и крикнула:

– Ксюха, спасибо!

«Нет, все-таки она хорошая», – расплылась в улыбке Оксанка, беря на руки Андрюшку, который радостно залопотал при виде матери...

* * *

Придя домой, Лариса первым делом направилась в ванную. Погрузившись в теплую воду, она с наслаждением расслабилась, выбрасывая из головы все тревожные мысли, которые загружали ее сегодня.

«Все, пора об этом забыть, – внушала она сама себе. – Завтра же заберу сумку и поставлю жирную точку в этом деле. И надо же было вести себя так глупо! Слава богу, все кончилось...»

Наутро Лариса как ни в чем не бывало ушла на работу, а когда вернулась, то сразу поняла, что точку в этом деле

ставить рано.

– Лора! – пока Лариса разувалась в прихожей, ей на встречу метнулась перепуганная Аделаида Александровна. – А к тебе тут пришли...

Словно камень ухнул откуда-то из центра груди к кончикам пальцев на ногах. Лариса сразу же поняла, что пришел кто-то явно не с дружескими намерениями.

– Лариса Николаевна? – из зала выходил высокий мужчина в милицейской форме.

– Да... – немного растерянно подтвердила Лариса.

– Капитан милиции Корнеев, попрошу вас проехать с нами, – отчеканил мужчина без всяких эмоций.

Лариса невольно повернулась в сторону матери. Та стояла совершенно потерянная и ничего не понимала.

– Я арестована? – медленно спросила Лариса.

– Не волнуйтесь, вы просто задержаны до выяснения обстоятельств.

Лариса молча кивнула, спокойно надела снова ботинки и встала в ожидании капитана. Тот открыл дверь и пропустил Ларису вперед.

– Лора! – побледневшая Ада кинулась к дочери.

– Все будет нормально, мама, – безжизненным голосом сказала Лариса. – Все будет нормально. Ты только к Сашке зайди.

– Лоронька, а что же мне ей сказать? – совершенно убитая Ада шла по пятам за дочерью через общий подъездный ко-

ридор и, вытирая слезы, пыталась заглянуть ей в лицо. Пожалуй, в таком состоянии Аделаиду Александровну Драгомилову еще никто не видел. Оказавшись в критической ситуации, она вдруг абсолютно утратила способность владеть собой и контролировать эмоции. Лариса же всегда была сама по себе, и мать привыкла так воспринимать собственную дочь. Она давно считала ее взрослой, ни во что не вмешивалась, считая, что Лариса сама во всем разберется. Отчасти это было отмазкой, потому что у Ады вечно не хватало времени на дочь, и она успокаивала себя подобной формулировкой, снимая с себя ответственность и уверяя сама себя, что воспитала дочь самостоятельной.

Аделаиде никогда не приходило в голову, что с Ларисой может что-то случиться, и теперь, увидев, что дочь попала в беду, причем неизвестно какую, но явно криминального характера, она совершенно растерялась.

– Что же мне сказать-то ей, Лорочка? – повторила Ада, как-то даже заискивающе заглядывая дочери в глаза.

– Скажи, пусть к Катьке пойдет, или к Ксюхе, – быстро проговорила Лариса. – Они все знают.

– А... – начала было Ада, но Лариса вдруг резко прикрикнула на нее:

– Да прекрати ты, пожалуйста, мама! И так тошно!

И Ада послушно утерла слезы и замолчала.

– Хорошо, дочка, – тихо сказала она уже сама себе, потому что дверь коридора за Ларисой и капитаном захлопнулась, –

я все сделаю.

* * *

Сашка пришла в тот день рано – потянула сухожилие на тренировке и отпросилась.

Дома, туго перебинтовывая ногу эластичным бинтом, она досадовала сама на себя.

«Угораздило же тебя так резко сигануть! Спокойнее надо быть! Теперь вот несколько дней без тренировок, а это, между прочим, потеря навыков!»

Но так как Сашка ни при каких обстоятельствах не теряла рассудительности, то она тут же успокоила себя тем, что когда нога заживет, она просто несколько дней позанимается более интенсивно, и форма будет восстановлена.

Замотав ногу, она удовлетворенно притопнула ею по полу и, сдув со лба непослушную светлую прядку, собрала волосы в хвост.

– Пап! – крикнула она в комнату. – Обедать идем!

Владимир Николаевич Вершинин, услышав голос дочери, отложил газету и прошел в кухню.

– Давай, давай, – сказал он, усаживаясь на стол. – Как нога-то?

– Нормально! – махнула рукой Сашка, строгая колбасу и сыр и делая бутерброды. – Пап, – она виновато развела руками. – Ну, сам знаешь – котлеты жарить я не умею...

– Да о чем ты говоришь, – улыбнулся отец. – Все замечательно.

Они ели бутерброды, запивали их чаем, и Сашка рассказывала о том, как прошел сегодняшней рабочий день. Работала Александра Владимировна Вершинина в фитнес-клубе, вела женскую группу по самообороне, попутно занимаясь карате. Отец внимательно слушал увлеченный рассказ дочери.

Сашка всегда была ближе к отцу, чем к матери, они всегда отлично находили общий язык. Сашка постоянно делилась с ним своими проблемами. Сначала будучи маленькой девочкой, когда и проблемы были детсадовского уровня, она с обидой говорила отцу, ведшему ее за ручку из садика, о том, как Мишка нарочно выдернул из-под нее лошадку-качалку, и Сашка больно полетела носом об пол.

– Ты плакала? – взметал брови отец.

– Нет, – уверенно качала головой Сашка. – Я ему врезала по шее! Воспитательница ругалась, но я не стала говорить, что он первый начал.

– Молодец, – удовлетворенно отвечал отец и крепче сжимал ручку дочери. – А воспитательнице не жалуйся. Никогда никому не жалуйся, дочка. – И добавлял:

– Мне можешь.

Мать ругалась, не понимала, говорила, что отец воспитывает из Сашки какую-то пацанку, драчунью, но Сашка и не хотела быть другой. Все свои проблемы она решала сама,

иногда прибегая к помощи отца, но только не матери. Попытавшись несколько раз поделиться с ней и наткнувшись на откровенное непонимание и осуждение, Сашка вдруг осознала, что мать никогда не принимает ее сторону. И отказалась раз и навсегда делиться с ней чем бы то ни было.

Мать чувствовала, что дочь замыкается, отстраняется, тянется к отцу, страдала из-за этого, ощущая даже уколы ревности, но ничего не могла изменить. Ей всегда не хватало чуткости и умения выразить свои чувства, поэтому она молчала, вела себя строго и сдержанно. И Сашка принимала этот сценарий.

Потом Сашка рассказывала отцу, какой мальчик ей нравится, и какому нравится она...

Даже когда Сашка стала девушкой, она, не поняв, что с ней происходит, жутко испугалась, молчала три дня, а когда отец на четвертый не выдержал, заметив, что с дочерью явно творится неладное, вывел ее на кухню и, плотно закрыв дверь, выпросил, в чем дело, Сашка, давась в слезах и умирая от стыда, рассказала.

Отец покачал головой, выругался в сторону и, резко вскочив, вышел в комнату, где с книгой сидела мать. О чем они говорили, Сашка не слышала, но буквально через пару минут встревоженная мать позвала ее к себе и, пряча глаза, попыталась объяснить дочери, что с ней происходит. Это был, пожалуй, единственный интимный разговор между ними за всю жизнь. И благодарна за него Сашка была в первую оче-

редь отцу.

Отец Сашку и машину научил водить, и кран чинить, и обои клеить. Росла этакая девочка-мальчик, и отец порой жалел, что не сумел дать ей того, что могла бы дать при воспитании женщина, боясь, что девчонка будет лишена женственности.

Но нет, Сашка в юности расцвела, набралась привлекательности. Будучи в детстве абсолютно обычным, малокрасивым ребенком, она вдруг превратилась в привлекательную, женственную девушку. Не очень высокая, стройная блондинка с очень милым и удивительно свежим лицом. Она предпочитала одеваться в спортивном стиле – джинсы, кроссовки, свитера. Летом – шорты и майка. Светлые пушистые волосы почти всегда собирала в хвост.

Она с детства каким-то удивительным образом умудрялась находить общий язык как с девчонками, так и с мальчишками. В детстве Сашка отдавала предпочтение мальчишкам и присущим им играм – лазила по гаражам, драла штаны и сбивала обувь, гоняла на велосипеде и роликовых коньках, зимой играла в хоккей. Но взрослея, обнаружила, что тянется к девочкам. Особенно хорошо удавалась дружба с Алиной Миловановой. С ней они учились в одном классе, сидели за одной партой, ходили вместе в школу и из школы.

Алина, как и Сашка, была из семьи среднего достатка. Обладая от природы огромным творческим потенциалом, она имела другие интересы, нежели Сашка. Во всяком случае

Алину трудно было представить лазающей по гаражам или с синяком под глазом.

В детстве Алина училась в музыкальной школе, довольно успешно ее закончила, кроме того, посещала литературный кружок и занималась языками. И после школы пошла на романо-германское в университет. Ну, а Сашка, конечно, же, на спортфак.

Тем не менее, дружба между девчонками была крепкой и не разрушилась даже после того, как они закончили школу. Как часто бывает – вроде каждый день вместе, и уроки учат, и в школу ходят, а когда это заканчивается, то люди понимают, что дружбы-то никакой и не было, что все, что и связывало – это дорога в школу и обратно. У Алины с Сашкой все получилось не так.

Несмотря на разницу в стремлениях, им всегда было интересно вместе. Они понимали друг друга и практически никогда не ссорились. С Алиной вообще очень трудно поссориться – она совсем не конфликтный человек.

Обладая мягкостью и тактичностью, которых, может быть, не всегда хватало чересчур прямолинейной Сашке, Алина умудрялась сглаживать все конфликты.

И сейчас, вспомнив о подруге с нежностью, Сашка решила заглянуть к ней.

Вымыв чашки, Сашка прошла в коридор, не надевая верхней одежды – Алина жила в том же подъезде. Тут прозвенел звонок в дверь.

Открыв, Сашка увидела на пороге Катьку Майорову с вытаращенными глазами и сразу поняла, что что-то случилось.

– Сашка! – запыхавшаяся Катька схватила Сашку за руку. – Ох, как хорошо, что ты дома!

– Что такое? – сдвинула брови Александра.

– Ларису арестовали!

– Что-о-о? – вот такого Сашка себе даже представить не могла.

Сразу же выбросив из головы идею о посещении Алины, она дернула взбудораженную Катьку за рукав и потащила ее в кухню, не давая даже снять куртку. Отец к тому времени уже перебрался в зал, так что девчонкам никто не мешал говорить спокойно.

– Ада ко мне приходила! – падая на стул и доставая сигареты, выпалила Катька. – В слезах вся, говорит, милиция к ним пришла, Лорку дождалась – и под белые рученьки прямиком в каталажку!

Сашка невольно улыбнулась, услышав последнее выражение, но тут же взяла себя в руки.

– Саш, я закурю, а? – просительно посмотрела на подругу Катька.

– Кури, – махнула рукой та, приоткрывая окошко. – Мать сегодня поздно придет, это она дыма не выносит.

– Я в форточку! – кинулась Катька к окну.

– Сядь! – остановила ее Сашка. – Холодина на улице, еще простудишься.

– А! – Катька беспечно отмахнулась.

– Не «а», а у тебя ребенок. Садись вон и кури спокойно.

И главное, расскажи мне, в чем там дело.

– Любовника ее грохнули! – поведала Катька, неумело за-тягиваясь.

Она почти совсем не умела курить, но страшно хотела научиться, потому что во-первых, так чувствовала себя взрослее, во-вторых, ей казалось, что это делает ее более современной и сексапильной, а в-третьих, надеялась, что это поспособствует похудению. Однако пока ни один из трех пунктов не срабатывал, но Катька продолжала отчаянно пыжиться.

– Как грохнули? Убили?

– Ну, не топором по голове, конечно, а просто... – Катька замялась, покосившись на дверь, потом набрала в легкие побольше воздуха и решительно выдохнула:

– Короче, затрахали его!

– Чего? – Сашка аж привстала. – Чего ты за бред несешь!

Книжек своих идиотских обчиталась?

– Я не несу, – обиделась Катька. – Я папу попросила, он позвонил какому-то знакомому в ментовку, и там сказали, что мужик от перетраха умер. Сперва думали, что своей смертью, а потом экспертизу провели и новые обстоятельства выяснились.

– Какие обстоятельства? И при чем тут Лорка? – до Сашки наконец-то дошло, что имеет в виду Катька.

– Во-первых, все знали, что она его любовница. Лорка и не скрывала особо. Во-вторых, ему ЭТО врачи не рекомендовали особо – сердце больное. В-третьих, у него в крови обнаружен наркотик – первитин, слышала о таком?

– Ну еще бы!

– Вот, и первитина этого немерено. И Лоркина сумка там осталась. Это случайно получилось, она мне рассказала как – она пришла, а он уж там мертвый. Пока она в ванной загибалась, соседи вошли. Лорка перепугалась и сдернула оттуда, к Ксюхе пошла. А сумку оставила.

– И что говорят в ментовке-то?

– Что херово все! Все на Лорку указывает!

– Но ведь это все косвенные улики! Может быть, он сам этот первитин себе вколол для стимуляции? Кто докажет, что Лорка? Да и не пошла бы она на такое. И вообще, откуда у нее наркотики?

– Не знаю, их это не волнует. А наркотики, как ты понимаешь, достать не проблема – были бы деньги.

– Вот, а откуда у Лорки деньги? – даже обрадовалась Сашка.

– Да что ты меня убеждаешь! – возмутилась Катька. – Как будто я думаю, что это она! Она вообще у меня тогда была.

– Стоп! – Сашка пристукнула пальцами по столу. – Сама говоришь, у тебя была! Это же алиби! Ты что, не можешь сказать, что Лорка прямо от тебя туда направилась, балбесина?

– Могу! – заорала насмерть обиженная Катька, вскакивая с места. – Не глупее тебя! Только не все так просто! Я уже сказала об этом папе, мы вместе туда ездили! Так вот, они говорят, что Лорка ко мне не прямо с работы пришла, а где-то шлялась два часа, черт бы ее побрал! Вот менты и считают, что двух часов вполне достаточно, чтобы затрахать человека до смерти!

– Да уж, – снова невольно улыбнулась Сашка. – Ты, например, можешь и раньше.

– Чего? – не поняла Катька и на всякий случай насторожилась. – Чего я-то? Ты на что намекаешь?

– Да я не в том смысле. Ладно, не до этого сейчас. Что они еще сказали? Ну, допустим, была она у него, а потом к тебе пошла. Но зачем ей потом-то туда возвращаться?

– За сумкой – первая версия. Вторая – она вообще туда не возвращалась. Ее же никто не видел там. А сумка лежит.

– Да уж, история не из приятных, – протянула Сашка. – Нужно что-то придумывать!

– Что, что, что? – Катька забегала по кухне, вскидывая руки.

– Давайте соберемся все вместе, – предложила Сашка. – Ты, я, Алина, Ксюха... И подумаем, что мы можем сделать. Ведь ясно же, что Лорка крепко вляпалась. И на нас теперь вся надежда.

– Давай, – подумав, согласилась Катька, которая всегда считала, что ум хорошо, но чужой лучше.

– Ты беги к Алине и сиди у нее. Введи ее пока в курс дела, а я поеду за Ксюхой.

– Угу, – мотнула головой Катька и пошла в прихожую.

– Папа, я возьму машину? – вопросительно посмотрела Сашка на отца, заходя в зал.

– О чем ты говоришь? Мы же давно решили этот вопрос.

Сашка кивнула, вышла на улицу, отперла гараж, находящийся во дворе, и вывела машину.

Когда отец убедился, что Сашка вполне сносно водит машину, он предложил ей пойти и получить права. Та согласилась, и вот уже третий год, как отец разрешал ей брать его старенький «Москвич». Даже не то, что разрешал, а говорил, что это их общая машина.

Машина, конечно, просто сыпалась, но Сашка и такой была рада – где же новую-то купишь? И не в престиже для Сашки было дело, просто не любила она, когда техника разваливается. И на фиг ей тонированные стекла не нужны, только бы мотор не барахлил да не гремела она!

Уловив опять подозрительное постукивание, Сашка нахмурилась. В ремонт бы отдать, да в деньги все упирается. А где их взять? Мать и так бесится, когда они с отцом вкладывают средства в машину...

«Ладно, сейчас не об этом надо думать, – одернула себя Сашка, выворачивая на центральную улицу. – Лариска на первом месте».

Ксюха была дома, вся в расстроенных чувствах. Увидев

Сашку, она даже не кинулась ей навстречу, а просто, отперев дверь и молча кивнув, вернулась на диван и продолжила чистить картошку.

– Чего смурная? – разуваясь, спросила Сашка.

Ксюха неопределенно пожала плечами, не поднимая головы.

– Славик приходил? – продолжала выпытывать Сашка.

Ксюха ничего не ответила, но по тому, как дрогнули ее плечи, Сашка поняла, что попала в точку.

– Опять ты по этому козлу убиваешься! – в сердцах произнесла она, подходя и вырывая у Ксюхи нож и приподнимая ее подбородок. – Ну так и есть, – резюмировала она. – Опять ревела сегодня.

Ксюха лишь развела руками и вздохнула.

– Короче, так, – решительно заявила Сашка. – Мне твои сопли сейчас вытирать некогда. Если хочешь, поговорим потом. Хотя мое мнение по этому вопросу ты знаешь. А сейчас собирай Андрюшку и поехали.

– Куда? – вскинула брови Ксюха.

– По дороге объясню. У Лорки неприятности, надо поговорить.

Ксюха послушно встала и начала одевать Андрюшку, который радостно залопотал, предчувствуя прогулку.

Через десять минут они уже ехали к Сашке. Ксюха сидела на заднем сиденье, прижимая к груди закутанного в теплый платок Андрюшку, а Сашка рассказывала о том, что только

что слышала от Катьки.

– Кошмар какой! – Ксюха не верила своим ушам. – Кто бы мог подумать, Саша?

– И не говори, – вздохнула Сашка, прибавляя газу.

Ксюха сразу же вцепилась одной рукой в сиденье.

– А Катька что говорит? – спросила она.

– Да что Катька! Ушами хлопает да ахает как всегда! Хотя надо отдать ей должное – папика своего на уши подняла и в ментовку сгоняла. Вот чему удивляюсь в ней – при всей импульсивности и эмоциональности никогда не забывает о своих возможностях. О папиных, вернее. Сразу знает, к кому обратиться.

– Чего же не знать-то? – недоуменно спросила Ксюха. – Она с детства так живет, привыкла, да это и хорошо. Ты бы не обращалась, если бы была такая возможность? И кто бы нам все рассказал, если б не ее отец?

– Да понятно все, – буркнула Сашка. – Я разве в осуждение говорю? Просто я задумываюсь, что бы делала Катька, если бы лишилась этой мощной опоры?

– Ну зачем об этом думать, – поморщилась Ксюха. – Она всегда будет под прикрытием, это уже данность. А потом, неизвестно, как в критической ситуации может человек проявиться. Откуда только силы берутся, когда знаешь, что никто не поможет...

– Себя имеешь в виду? – скосив глаза, осторожно спросила Сашка.

– Ну, я-то что! – махнула рукой Оксана. – Мне вы помогли, иначе я ноги бы протянула!

– Не преувеличивай.

Подъехав к дому, они поднялись к Алине. Та уже была в курсе, но все равно – услышанного ей оказалось мало, и она готовилась забросать вопросами Сашку.

– Пойдемте ко мне! – предложила Катька, увидев, как переполнилась маленькая комнатка Алины шумом и теснотой. К тому же Андрюшка, ошарашенный всем этим, уже скусился, надул губы и приготовился разреветься. – Мой уехал, а Настя у мамы. Я вообще могу ее не забирать сегодня.

Все посмотрели на Сашку.

– Пошли, – согласилась та, и девчонки стали собираться. – Только, может, Андрюшку оставим где-нибудь?

– Можно к маме моей и занести до кучи, – тут же предложила Катюха.

– А она согласится? – недоверчиво посмотрела на Катюху Ксюха.

– А чего ей? – искренне изумилась та. – Чего ей еще делать-то? Пусть сидит, она детей любит.

– Неудобно как-то... – поежилась Ксюха.

– Ерунда! – махнула рукой Катька. – Пошли!

Вскоре вся компания сидела у Катюхи в зале, пила кофе, курила, галдела и спорила. Больше всех шумела сама Катюха.

– Нужно просто заплатить деньги, и все будет нормально! – уверяла она всех. – Это же проверенный веками спо-

соб!

– Да, если они есть, – резонно заметила Алина.

– А откуда у Лорки деньги? – поддержала ее Сашка. – Ты знаешь, как сейчас с этим сложно? Такие запросы в суде, что в жизнь не соберешь!

– А ты откуда знаешь? – подала голос Ксюха.

– У моей клиентки одной мужа посадили. Заплатили сто штук, так ему семь лет дали! А если б не заплатили, так все пятнадцать светило!

– За что?

– За наркоту.

– Так то за наркоту... – протянула Ксюха.

– А тут убийство! – повернулась к ней Сашка. – Это гораздо лучше, да?

Ксюха вздохнула и замолчала. Она не могла понять, почему Сашка упоминает слово убийство, не хочет же она сказать, что Лариска кого-то убила? Вот и нужно доказывать обратное!

Эту мысль она и высказала.

– Обычно доказывают, что человек виновен, нужно доказать его вину! – отреагировала Сашка, подчеркнув последнее слово. – А для ментов она уже почти доказана. А как мы можем доказать Лоркину невиновность, если у нее нет алиби?

– Только если узнаем, кто на самом деле убил, – сказала вдруг Алина.

Все разом повернулись к ней.

– Ты хочешь сказать... – медленно протянула Катька.

– Я хочу сказать, что Лорку освободят, когда будет доказана вина другого человека, – пояснила Алина.

– Но... Как же мы это узнаем-то? Мы же не сыщики какие-нибудь, – на круглом Катькином лице появилось скептической выражение.

– А это, между прочим, идея, – задумчиво сказала Сашка. – Сами мы и должны узнать. Менты уж вряд ли искать будут, у них кандидатура есть на роль обвиняемой.

– Саша, но как, как, как ты себе это представляешь? – недоумевала Катька. – Давай лучше я попрошу папу, он наедет на кого надо, там приложит все силы и...

– Ты, конечно, скажи, – согласилась Сашка, – пусть они там пошевелятся. Но и мы не должны руки опускать. Мы в этом дворе живем, многое можем выяснить. Например, кто ходил к этому мужику, с кем он общался, где работал. Я не думаю, что так трудно будет выявить его связи.

– Я с тобой согласна, – кивнула Алина. – Тем более, что нас четверо, и мы всех знаем в округе. Попробуем, девчонки, а? Или кто-то против?

Все посмотрели на Катьку, которая почувствовала себя под этими взглядами как-то неуютно.

– А чего вы на меня-то, чего на меня-то? – сразу взвилась она, краснея по уши. – Как будто я возражаю! Как будто я предательница какая! А я, между прочим, как узнала, первая

на уши всех поставила! Кто в ментовку поехал, а? Кто все узнал? Кто сразу к вам помчался? И теперь я вообще не отказываюсь, почему вы вечно мне всякие гадости приписываете раньше времени?

– Да никто тебе ничего не приписывает, – с улыбкой ответила Сашка. – Мы просто советуемся!

– Ага, советуемся, а я себя чувствую Павликом Морозовым! – заявила Катька.

Все просто прыснули, услышав такое неожиданное сравнение. Катька немного подула губы, делая вид, что оскорблена, потом, не выдержав, махнула рукой и тоже рассмеялась.

– Короче, – просмеявшись, сказала Сашка. – Нам нужно распределить роли, одним словом, кто чем заниматься будет. И еще составить план действий. Что конкретно делать.

– А надо ли? – возразила Алина. – Может быть, лучше этого не делать, пусть все идет по наитию? Поспрашиваем, каждый у того, с кем он лучше знаком. Мы же еще не знаем, во что это выльется, как же можно планировать?

Деловитая и пунктуальная Сашка нахмурилась. Ей бы, конечно, очень хотелось составить план, даже вычертить какой-нибудь график, но другие девчонки неожиданно согласились с Алиной.

– Мы же не профессионалы, – сказала Ксюха. – Действовать будем, как интуиция подскажет. Роли немного распределим, конечно, чтобы одним и тем же не заниматься. Только вот что мне делать? Я же далеко живу, не могу здесь по-

стоянно околачиваться. Тем более с Андрюшкой...

– Придумаем и для тебя дело, а пока сиди, – ответила Сашка.

Ксюха, в принципе, была рада, что ее оставили в покое, но все равно душа за Лариску болела, и она чувствовала некоторую неловкость оттого, что невольно осталась в стороне.

– Так, ладно, – подвела итог Сашка. – Сейчас расходимся. Завтра начинаем разговоры с соседями и прочими, а ты, Катюха, через папу узнавай новости из милиции. Хорошо?

– Угу, – кивнула Катюха. – Не волнуйся, я с него живого не слезу!

В этом Сашка и не сомневалась.

– Только знаете что... – проговорила Ксюха.

Все посмотрели на нее.

– Может, его и в самом деле никто не убивал? Ну, пришла к нему баба, устроили они этот спектакль с привязыванием... Может, он по доброй воле на это пошел? А тут сердце не выдержало... А девка, понятное дело, испугалась и сдернула оттуда.

– Вот мы и должны выяснить, как там все было, – сказала Сашка.

Ксюха только вздохнула. Она не очень верила в то, что им удастся что-то выяснить. Ей казалось, что лучше просто оставить все как есть, что Лариску наверняка выпустят – не докажут, что это она убила, и все! Но девчонки придерживались другого мнения, их было большинство, и Ксюха не

стала настаивать на своем.

Посидев еще немного и поболтав уже о своих девчоночьих делах, они все разошлись. Сашка отвезла Ксюху с Андреей-кой домой и вернулась к себе. По душам с Алиной в этот вечер так и не удалось поговорить. Но неожиданно через некоторое время она пришла снова.

* * *

Алина восприняла случившееся достаточно спокойно. Ей почему-то казалось, что это все какое-то недоразумение, которые легко должно разрешиться. Тем более, что Сашка взяла инициативу в свои руки. А уж Сашке Алина доверяла, может быть, больше, чем самой себе. Она считала ее чуть ли не своей старшей сестрой – да, именно старшей, несмотря на то, что они одногодки.

Алина всегда советовалась с подругой, и, хотя Сашка потом, морщась, заявляла, что Алина-де все равно поступит по-своему, мнение Сашки она очень ценила и уважала. Сашку вообще все уважали. А вот любили...

Алина невольно задумалась и пришла к выводу, что нет, далеко не все любили Сашку. Многие даже, наоборот, недолюбливали за некоторую резкость и суховатость. Но Алина знала, что это все внешнее, что за этим скрывается тонкая и нежная натура.

Алина была уверена, что Сашку, что называется, «не до-

ласкали» в детстве. Она с теплотой относилась к Сашкиному отцу, считая, что если бы не он, то из Сашки могла бы вырасти совсем не такая устойчивая личность. А вот мать...

Собственно, у Алины была похожая ситуация в семье, может быть, поэтому девчонки так и потянулись друг к другу. Мама Алины все свое внимание отдавала младшему сыну Алику, который рос болезненным и слабым ребенком. Алина любила младшего братишку, подолгу возилась с ним, но чувствовала, чувствовала, насколько несравненно больше тепла мать отдает ему.

Если Сашка давным-давно смирилась с подобными отношениями с матерью, то Алина все никак не могла успокоиться. Ей все время хотелось, чтобы мать подошла к ней, обняла, приласкала, просто спросила, как у нее дела...

– Да брось ты! – говорила Сашка в минуты откровенных разговоров на эти темы. – Хватит уже переживать, выросли мы давно, и больно-то не нуждаемся в этом!

Но это Сашка, может быть, не нуждалась, и то Алина позволяла себе в этом усомниться, а вот она сама отчаянно страдала от нехватки материнской любви.

«Все-таки Сашка молодец, – с невольной завистью, в которой было больше восхищения, подумала она о подруге. – Умеет свои чувства при себе держать. Как закроется – ни за что не угадаешь, что у нее там внутри. А я вот так не могу...»

Алина вдруг вспомнила об одной истории, после которой, собственно, Сашка и стала такой закрытой. Вообще-то это

в основном проявлялось по отношению к мужчинам, но и с подружками Сашка не всегда была как на ладони.

«Сволочь!» – выругалась про себя Алина, имея в виду того самого, единственного для Сашки, который так и остался единственным за все ее двадцать три года...

Сашка влюбилась в него впервые в жизни, когда ей было девятнадцать лет. До этого были, конечно, влюбленности, но это все не то, не то...

А вспыхнувшее вдруг в Сашке четыре года назад чувство было настолько огромным, что она даже поначалу испугалась, а потом с головой окунулась в него.

Алина смотрела на подругу, которая летала с сияющими, ослепленными от любви глазами, и почему-то беспокоилась. Не давало ей покоя какое-то ощущение тревоги.

Все закончилось банально и просто – он оказался женат, и признался в этом тогда, когда Сашка заявила ему, что беременна. Любимый долго мямлил, мямлил что-то в ответ, клялся, что, конечно, любит Сашку, всю жизнь будет любить, но, к сожалению, жизнь наша – это такое дерьмо, будь она проклята, а потом, так и не сказав ничего конкретного, просто исчез.

На следующий день вечером, когда ничего еще не знающая Алина забежала к Сашке, та лежала на постели бледная, с темными кругами под глазами.

– Что случилось? – удивленно спросила Алина, присаживаясь на краешек кровати. – Ты заболела?

Сашка медленно покачала головой. Из уголка ее глаза выкатилась слезинка и упала на подушку, оставляя на ней расплывающееся мокрое пятнышко.

Алина даже перепугалась не на шутку – она ни разу не видела, чтобы подруга плакала. И, тряся ее за плечо, уговаривая, упрасывая, вытянула из Сашки признание, что она сегодня сделала аборт.

Об этой истории Алина никому из девчонок не рассказала и никогда не напоминала о ней подруге, но с того момента в Сашке словно что-то оборвалось. Она стала гораздо более замкнутой, на некоторое время даже впала в депрессию, а потом с головой ушла в свои тренировки.

Алина старалась, как могла, смягчить переживания подруги, хотя знала – нужно, чтобы прошло время, и Сашка, переварив все это по нескольку раз в своей душе, сама успокоится.

Так оно, в общем-то, и случилось. Но с тех пор Сашка с мужчинами не встречалась. Вернее, она по-прежнему с ними очень хорошо дружила, но и – все. Девчонки даже недоумевали по этому поводу, а Лорка так вообще считала, что это просто ненормально.

– Девка – класс! – рассуждала она неоднократно, разводя руками. – Вон как эти козлы слюной исходят. Чего же ты теряешься, Сашка?

– Вот именно, что козлы, – равнодушно отвечала Сашка и переводила разговор на другую тему.

Любопытная Лариска не раз пыталась выудить у Алины сведения о том, почему Сашка ведет себя столь неадекватно, но та лишь плечами пожимала. Не хотелось ей обнажать ту неприятную историю.

Алина и сама думала, что Сашке пора оттаять – мало ли что бывает в жизни! Сама Алина влюблялась довольно часто, из-за каждого романа переживала, но особенно сильных чувств не испытывала.

«Может быть, я абсолютно пустой и поверхностный человек?» – с тоской думала она временами, страшась этой мысли и не веря ей до конца.

«А с другой стороны, ну и пусть, – рассуждала она дальше. – Зато я быстро остываю. А что, лучше вот так годами изводиться, как Сашка?»

Алина жалела, что в этот вечер не поговорила с Сашкой за жизнь. Они временами устраивали посиделки вдвоем у кого-нибудь из двоих на кухне, просиживали до утра, когда от кофе и сигарет уже начинали глаза вылезать из орбит, а утром хватали сумки и мчались на работу. Не высыпались обе, но удовольствие от общения получали колоссальное и ни за что не отказались бы от него.

– Алина, – в кухню, отвлекая девушку от ее мыслей, вошла мать. – Ты чего полуночишаешь? Завтра на работу не добудишься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.